

жённому аула, не считаясь с потерей родных и близких, то в 1859 г. это был уже старый и уставший человек, обременённый большим семейством и обязательствами перед ним. По сути, в сложившейся тогда ситуации ему оставалось лишь капитулировать, пожившись на милость победителя, что и произошло весьма достойным для предводителя горцев образом.

Так или иначе, какие бы надежды ни питал Шамиль перед выходом из Гуниба, он был разбит и блокирован. В случае продолжения штурма ему и его семье грозила гибель, что и вынудило после небольшой провоочки принять требование о сдаче без каких-либо условий, кроме гарантии личной безопасности, т.е. сохранения жизни ему и его близким. Кн. Бяратинский обращался с противником честно и сдержал своё слово. Кстати, именно полное исполнение данных обещаний достаточно быстро вызвало у имама доверие и симпатию к наместнику царя на Кавказе. Впоследствии

они состояли в дружеской переписке³, Шамиль неоднократно гостил у князя, который, даже покинув свой пост, выступал в роли его ходатая перед императором. Очевидно, что в случае обидного и низкого обмана на Гунибе подобное сближение оказалось бы невозможно. И теперь на это указывают не только письма Шамиля, но и весьма объёмный и объективный труд П.И. Тахнаевой.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Тахнаева П.И.* Имамат Шамиля в современной историографии // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 200–209; *Маньшев С.Б.* Основные тенденции в постсоветской (современной) историографии Кавказской войны XIX в. на примере работ дагестанских авторов // Кавказский сборник. Т. 11(43). М., 2019. С. 105–119.

² *Бобровников В.О.* Историк джихада Хаджи-Али ал-Чухи (из Чоха) // Кавказский сборник. Т. 10(42). М., 2017. С. 185–186.

³ Переписка с имамом Шамилем и его семейством. 1859–1871 гг. // *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Бяратинский. М., 2007. С. 378–395.

Александр Полунов

Рец. на: А.А. Иванов. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб.: Владимир Даль, 2020. 621 с.

Aleksandr Polunov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: A.A. Ivanov. Plamennyi reaktzioner Vladimir Mitrofanovich Purishkevich. Saint Petersburg, 2020

DOI: 10.31857/S086956870013457-3

В общественно-политической жизни России начала XX в. В.М. Пуришкевич занимал особое место, выделяясь даже на фоне наиболее ярких личностей той переломной эпохи. По замечанию А.А. Иванова, «в России в 1906–1920 годы практически не было людей (за исключением разве уж совсем неграмотных), которые бы ни разу не слышали имя этого политика»

(с. 5). Знаменитый лидер правых стал героем не только газетных статей и парламентских дебатов. Его образ «пошёл в народ». Портреты Пуришкевича печатались на конфетных обёртках, использовались при изготовлении рыночных поделок и сувениров. В оперетках распевали посвящённые ему куплеты. Дети с увлечением играли «в Пуришкевича», а извозчики исполь-

зовали его имя как брань (что тоже говорило о популярности, пусть и с негативным оттенком). Известность «трагического клоуна Думы» была настолько широка, что после его смерти появились самозванцы, пытавшиеся зарабатывать чтением лекций от его имени. В целом можно сказать, что образ Пуришкевича стал важным компонентом нарождавшейся массовой культуры, а его фигура подверглась в общественном сознании изрядной мифологизации. Но интерес к нему исследователей объясняется, разумеется, не только этим обстоятельством.

Один из крупнейших парадоксов биографии Пуришкевича связан с ролью этого деятеля, правее которого в Думе, по его собственному признанию, была только стена, в падении монархии. Резкая критика правительства и окружавшей царя «камарильи», с которой глава Союза Михаила Архангела (СМА) выступал с конца 1916 г., его участие в убийстве Григория Распутина заметно подрывали авторитет власти. Как справедливо отмечал не менее авторитетный черносотенец Н.Е. Марков, Владимир Митрофанович оказался для монархии «куда вреднее Милюкова», поскольку именно ему и исходившим от него нападка на власть «поверили все эти генералы, сделавшие успех революции» (с. 375). По иронии судьбы лидер СМА, как говорилось в посвящённом ему некрологе, «дал первый толчок той самой революции, жесточайшим врагом и ненавистником которой он являлся» (с. 600). Известны и другие отзывы современников в том же духе. В чём же заключались причины столь причудливого поворота? Какие тенденции и обстоятельства на него повлияли?

Отвечая на эти вопросы, Иванов подробно рассматривает основные аспекты жизни и деятельности героя своего исследования, начиная с его семейных корней. Как и многие русские

националисты, Пуришкевич был выходцем с окраины империи, его предки — люди разного происхождения (малороссы, поляки, возможно, молдаване). В 1905—1907 гг. малоизвестный доселе бессарабский помещик, земский деятель, затем — чиновник МВД с головой окунулся в перипетии общественной и идеологической борьбы, оживившейся с появлением парламента, политических партий, расширением возможностей периодической печати и общественных организаций. Он чутко улавливал потребности момента, и его сложно назвать «реакционером» в точном смысле слова. Наделённый кипучей энергией, Пуришкевич в период консолидации правых и националистических сил непрерывно ездил по стране, выступал на митингах и собраниях, создавал на местах отделения Союза русского народа (СРН), к которому тогда принадлежал, уделял внимание изданию агитационно-пропагандистских материалов (листовок, газет, журналов, брошюр), работе с широкими слоями населения, с молодёжью и студенчеством, пытался влиять на школу, использовать средства массовой культуры и искусства, включая такое техническое новшество, как кинематограф.

Стремясь обеспечить себе влияние на широкие социальные слои, он неизбежно должен был прибегать к методам и приёмам, напомиравшим образ действий его оппонентов из левого лагеря. Показательно, в частности, что устав созданного при СМА Всероссийского Филаретовского общества народного образования был, по признанию самого Пуришкевича, «перевёрнутым слева направо» аналогом программы французской леволиберальной Лиги народного образования (с. 193). Важно отметить и тенденции «вождизма», характерные для организаций, возглавлявшихся Владимиром Митрофановичем (главную газету

СМА одно время так и предполагалось назвать — «Вождь»). До определённого момента применение приёмов и методов противника обеспечивало лидеру СМА известный успех. И всё-таки реальную альтернативу революционному пути развития России Пуришкевич и его единомышленники выдвинуть не смогли. Бросалась в глаза слабость и неопределённость их социально-экономических программ. Некоторые предлагавшиеся ими идеи явно не соответствовали условиям времени — например, рекомендация понизить образовательный уровень учителей начальных школ, дабы гарантировать их благонадёжность, ограничить количество стипендий, выдававшихся крестьянам для продолжения обучения, и т.д. (с. 195—196).

Ставка Пуришкевича на работу с массами обеспечила ему широкую популярность (во многом, впрочем, связанную с его скандальным поведением в Думе). Однако потребность всегда находиться на виду у публики, питавшая тщеславие политика, никогда не отличавшегося психической уравновешенностью, сыграла с ним в конечном счёте злую шутку. Когда в ходе Первой мировой войны общество и народные массы начали «леветь», Пуришкевич, дабы остаться «на плаву», последовал за ними и со всей страстью предался модному мифотворчеству, поиску «шпионов», предателей и «тёмных сил» в верхах. Апогеем стала его думская речь 19 ноября 1916 г. с резкой критикой правительства и окружения царя. Она сыграла не менее разрушительную роль, чем выступление П.Н. Милюкова, рассуждавшего в начале того же месяца о «глупости или измене». Обвинения Пуришкевича, как отмечает Иванов, были беспочвенны, основывались на подозрениях, догадках, непроверенных слухах (с. 363), но современниками они воспринимались как достоверные. Маркова, пытавшие-

гося аргументированно опровергнуть выводы своего недавнего соратника, в Думе просто никто не стал слушать (с. 368—369).

Опасением утратить контакт с массами объяснялось и резкое изменение позиций Владимира Митрофановича по ряду ключевых вопросов, поражавшее его коллег-националистов. Убеждённый антисемит, Пуришкевич после начала войны внезапно заявил: «Всё, что я говорил и думал до сих пор о евреях, есть ложь и заблуждения» (с. 341). Схожим образом трансформировалось его отношение к полякам. И дело было не в неожиданно проснувшемся у черносотенца полонифильстве или юдофильстве, а в желании напомнить о себе издателям и читателям крупнейших газет, к тому времени — сплошь либеральных (с. 310—311). Германофильство, демонстрировавшееся лидером СМА до войны, после её объявления сразу же уступило место симпатиям к Англии и Франции, а Вильгельм II из «императора-рыцаря» стал «величайшем наглецом и величайшим лжецом» (с. 336). Разумеется, подобные кульбиты постепенно подрывали веру в искренность заявлений Владимира Митрофановича. Вместе с тем эскапады правого политика не являлись случайностью, не были вызваны стремлением следовать за модой. В них проявилась и специфика его националистических убеждений.

Национализм, считавшийся к началу XX в. одной из разновидностей консерватизма, изначально, в период борьбы против «старого порядка», был тесно связан с либеральными воззрениями. Впоследствии различные его течения претерпели сложную эволюцию, однако зачастую сохраняли «родовые пятна» своего происхождения. Представление о нации как высшем авторитете перекликалось с идеей народного суверенитета и, соответственно, не очень удачно сочеталось с прин-

ципами сословности и наследственной монархии. В деятельности Пуришкевича это противоречие отразилось со всей остротой. Будучи приверженцем традиционной триады «православие, самодержавие, народность», он, по мнению Иванова, сделал в ней ставку прежде всего на последний элемент. Как только ему показалось, что избранный властями курс не отвечает интересам страны и народа, он перешёл в оппозицию (с. 325). При этом значение представительных учреждений, воплощающих волю нации, оценивалось им (по крайней мере, после 1907 г.) весьма высоко. Собственно, отношение к парламентским формам и стало причиной раскола в черносотенном движении. В отличие от лидера СРН А.И. Дубровина, выступавшего за восстановление прежнего самодержавия, Пуришкевич полагал, что правые партии должны «вписаться» в созданные в 1905—1907 гг. институты. Не сумев настоять на своём, Владимир Митрофанович после ряда скандалов и конфликтов вышел из СРН и основал СМА.

При этом Пуришкевич продолжал причислять себя к монархистам, и поначалу, критикуя во время войны членов правительства и высокопоставленных особ, он внешне благонамеренно пытался «раскрыть глаза» монарха на неблагоприятные поступки его окружения. Однако вскоре последовали удары и по авторитету Николая II. По словам французского посла М. Палеолога, члены СМА были готовы «защитить императора, если потребуется, против его воли» (с. 386). Подтверждением тому служило и участие Пуришкевича в убийстве Распутина, дискредитировавшее монархию не меньше, чем думские речи. Иванов пишет также о причастности лидера СМА к заговору против царя, вызревавшему в начале 1917 г. в среде военачальников, политиков и великих князей (с. 425—426, 434).

Весной 1917 г. «либеральные» настроения проявлялись у Пуришкевича наиболее ярко. Апелляции к духу свободы и самостоятельной роли нации звучали тогда в его высказываниях с особой силой. Думцы, заявлял черносотенец, «подняли первые действительное знамя свободы, став её первыми глашатаями во имя любви к своему народу, угнетённому бесправием и самовластием полицейско-бюрократических сил, толкавших Россию на антинациональные пути в последние годы царствования Николая II Слабовольного» (с. 447). Теперь же, уверял Пуришкевич, здоровые силы общества, объединившись на национальной основе, выведут Россию на новый путь развития и обеспечат ей «самое блестящее место среди народов Европы, даже всего мира» (с. 456). Но вскоре, увидев, что этого не произошло и в стране стал нарастать хаос, он испытал сильнейший шок и начал судорожно метаться от одной политической силы к другой, то объявляя о своём возвращении к монархизму, то пристраиваясь к кадетам и даже социалистам, то задумываясь о необходимости военной диктатуры и включаясь в организацию заговоров для её установления (тут ему пригодилось созданное ещё в 1916 г. под его руководством «Общество русской государственной карты»). Заговорщическая деятельность Пуришкевича стала причиной его ареста Временным правительством, а затем и большевиками.

Взаимоотношения с партией, захватившей власть в октябре 1917 г., составили особую страницу в политической биографии знаменитого черносотенца. Многие современники Пуришкевича отмечали объективное сходство его воззрений с некоторыми установками большевиков. Ещё летом 1917 г. Владимир Митрофанович выражал готовность содействовать борьбе против Ленина и его соратников и утверждал, что прекрасно понимает логику их дей-

ствий в сфере агитации, пропаганды и организационного строительства. Более того, по его словам, СРН вёл свою работу примерно на тех же началах, что и Совет рабочих и солдатских депутатов (с. 465). Являясь непримиримым врагом большевиков, Пуришкевич после октябрьского переворота 1917 г. констатировал, что именно им удалось выстроить действенный аппарат принуждения, а «советская власть — это твёрдая власть, увы, не с того лишь боку, с которого я хотел бы видеть твёрдую власть над Россией» (с. 546). «Твёрдость этой власти и волевой импульс её проводников» он ставил позднее в пример деятелям Белого движения на деникинском Юге (с. 578).

Определённый интерес к своему пламенному оппоненту испытывали и большевики. В тюрьме Пуришкевича посещал и расспрашивал о его отношении к большевистскому перевороту председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий. Возможно, имела место и встреча бывшего лидера СМА с Ф.Э. Дзержинским (с. 505). Примечательно, что на суде, протекавшем в условиях полной гласности, знаменитому черносотенцу предоставили возможность максимально полно изложить свои взгляды, а вынесенный ему приговор оказался весьма мягким. В заключении он пробыл всего 6 месяцев, и то главным образом в лазарете — благодаря фальшивой справке, полученной от тюремного врача. В апреле 1918 г. его отпустили под честное слово о прекращении политической деятельности, причём о его освобождении ходатайствовали Дзержинский и нарком юстиции Н.Н. Крестинский. Иванов полагает, что проявленные в ходе процесса «объективность» и «гуманность» являлись для большевиков, уже готовившихся перейти к политике «красного террора», всего лишь игрой, а судили Пуришкевича по надуманному обвинению, поскольку заговора,

который ему инкриминировали, как такового не было. Конечно, многое в идеологии большевиков (как, впрочем, и правых) подталкивало их к массовому насилию, однако полномасштабный «красный террор» они развернули в ответ на террористические акты, конспирации и возраставшее сопротивление своих противников, среди которых Пуришкевич был далеко не единственным. Сам Иванов приводит данные, свидетельствующие о реальной подпольной работе «Общества русской государственной карты». В октябре 1917 г. его члены участвовали в провалившемся выступлении юнкеров против советской власти. При аресте у Пуришкевича и других лиц, вовлечённых в данную организацию, обнаружили запасы яда (цианистого калия), пистолеты, пулемёт, а также подготовленное к отправке письмо А.М. Каледину, сообщавшее о предпринимаемых усилиях и призывавшее после переворота расправиться с большевиками «публичными расстрелами и виселицей» (с. 502—503).

Получив свободу, Владимир Митрофанович отбыл на белый Юг и, нарушив своё обещание, сразу же попытался возобновить борьбу за идеалы самодержавия. Однако бывшее влияние ему вернуть не удалось — доверие к его заявлениям после неоднократной смены позиций оказалось подорвано. Деникинское командование, настороженно относившееся к монархическим лозунгам, препятствовало проведению мероприятий с участием столь одиозной фигуры. Всероссийская народно-государственная партия, которую Пуришкевич учредил, в очередной раз не сойдясь во взглядах с другими монархистами, имела успех «исключительно на курортах», в среде «ничего не делающей курортной публики, тоскующей о возврате к прежней жизни» (с. 568). Партийная программа представляла собой довольно

эkleктическую смесь монархических, националистических, либеральных и даже социалистических положений, что свидетельствовало о явном идеологическом кризисе. Смерть некогда гремевшего на всю страну политика в январе 1920 г. от сыпного тифа в переполненном беженцами Новороссийске символически совпала с крахом старой России, в судьбе которой ему довелось сыграть столь противоречивую роль.

Монография Иванова, опирающаяся на обширную источниковую базу и детально воссоздающая ключевые аспекты биографии Пуришкевича, заслуживает самой высокой оценки¹. Это весомый вклад в изучение истории русского консерватизма и общественно-политической жизни России начала XX в. Вместе с тем бросается в глаза некоторая неравномерность освещения разных периодов. Так, больше половины книги посвящено событиям 1914—1920 гг. Однако явления и процессы довоенного времени, так или иначе связанные с деятельностью Пуришкевича, возможно, стоило бы охарактеризовать более развёрнуто. Чрезвычайно любопытный анализ религиозных представлений лидера СМА оказался почему-то включён в главу об убийстве Распутина, и без того непропорционально большую по объёму.

Олег Айрапетов

Поход, которого не было*

Oleg Airapetov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

The campaign that never happened

DOI: 10.31857/S086956870013458-4

Многочисленные работы Д.Ю. Козлова хорошо известны историкам, изучающим участие русского флота в Первой мировой войне. Для него

Встречаются в тексте и сомнительные, и, пожалуй, в принципе недоказуемые утверждения, например, о том, будто лишь революция помешала России одержать победу в Первой мировой войне (с. 324). Сравнивая ораторский стиль Пуришкевича и В.И. Ульянова (Ленина), автор солидаризуется с В.Ю. Рыловым, писавшим о присущем обоим вождям «истерическом фальцете», «вызывающей манере говорить с истерическими возгласами», ругани, даже площадной брани (с. 466). Между тем об «истеризме» в речах Ленина современники не сообщают. Грубые же выражения лидер большевиков употреблял преимущественно в частных письмах и статьях, но не в публичных выступлениях.

Впрочем, эти соображения и замечания не мешают признать, что книга А.А. Иванова является ценным и основательным трудом, необходимым для тех, кто изучает историю России революционного времени.

Примечание

¹ Она заметно расширяет материал, изложенный в первом издании: *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика (1870—1920). М.; СПб., 2011.

всегда характерны прекрасное знание предмета, высокая культура анализа источников, уважительное отношение к трудам предшественников¹.

* Козлов Д.Ю. «Шведский поход» адмирала Эссена (июль 1914 года). М.: Квадрига, 2019. 328 с.